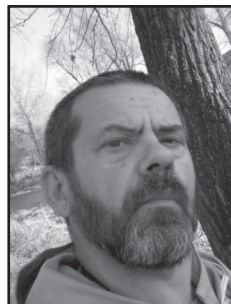

Александр МОРОЗОВ

Родился в 1962 году в селе Курчум Восточно-Казахстанской области. Поменял разные профессии: побывал студентом, сторожем, кочегаром, грузчиком, механиком по ремонту, старшим инженером, работником заповедника, журналистом. Многие годы был редактором районной газеты г. Шемонаиха. Живет в г. Усть-Каменогорске, публиковался в литературных альманахах и коллективных сборниках.

В КРЕПКИХ ОБЪЯТИЯХ ВЕКА

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ ДЕРЕВНИ ПО МАТЕРИАЛАМ СЕЛЬСКОЙ ЛЕТОПИСИ

ПРЕДЫСТОРИЯ

Этот рассказ об истории села Рулиха, что находится в Шемонаихинском районе Восточно-Казахстанской области. Для земледельца окрестности Рулихи замечательны обилием плодородной почвы. Для скотовода те же окрестности примечательны наличием пастбищ и воды.левой стороной по въезде в село тянется мощная гряда крутобоких сопок, безмятежно греющих южные бока под ласковым солнцем (это ранние пастбища!), а сама Рулиха на километры протянулась вдоль речки Таловки (водопой под боком!), спокойно следуя ее извилам. Благословенные места эти издавна притягивали к себе людей, что веско подтверждают обломки глиняной посуды, относящиеся к андроновской культуре. Следовательно, первое поселение появилось здесь более 4000 лет назад и было ровесником египетским пирамидам!

Для меня Рулиха примечательна местным школьным музеем, материалы которого старательно собирались в разные годы учениками совместно с учителями. Они позволяют совершить путешествие по времени, восстановить хотя бы частично историю отдельно взятой деревни на фоне самого страшного в истории века. Впрочем, началось все, видимо, с найденного в окрестностях села закаменелого яйца динозавра, которое и подвигнуло школьников на реконструкцию истории своей малой родины.

...Когда-то, десятки миллионов лет назад, совсем недалеко от меня, может быть, в каких-то сотнях метров, тужилась неведомая мне динозавриха.

Свершив свое благое материнское дело, она заботливо оправила кладку, внимательно осмотрелась вокруг. Ничто не предвещало опасности. Природный катаклизм разразился чуть позже. Во мгле времен потерялись и растворились свидетельства, могущие хоть косвенно поведать нам о масштабах и размерах той бесконечно далекой катастрофы.

Яйцо не выполнило главного своего предназначения: из него не проклюнулась новая жизнь. Хищная ли, травоядная ли... Ему была уготована иная участь – окаменеть, медленно минерализуясь, и спустя мириады дней оказаться на полке школьного музея.

Каждый мой шаг граничит с вечностью, он измеряется многими миллионами лет. Несколько шагов, и пальцы мои, еще хранящие память о шероховатой поверхности окаменевшего яйца, прикасаются к хищно-острому наконечнику давно истлевшей стрелы сакских времен. Это уже ранний железный век, и из него гораздо проще перекинуть мостик в наши времена.

Сакская технология выплавки железа была несовершенна, и спустя тысячелетия, в середине XX века ее попытались повторить китайцы во время маоцзедунского «великого рывка». Тогда выплавкой железа (стали, чугуна) принуждены были заниматься отдельно взятые подворья, на которых воздвигались жалкие подобия домен, больше, видимо, похожие на сакские железоделательные печи. Сакское «сырое железо» шло на различные, нужные в доисторическом хозяйстве поделки, чем и являлся тогда наконечник к стреле. На что же сгодился китайский «новодел», мне неизвестно. Практичные китайцы быстро осознали пагубность «великого рывка» и потихоньку ликвидировали очередной социалистическо-коммунистический перегиб. Но это было далеко впереди, в неизвестном сакам будущем.

Ушла в прошлое эпоха бронзы, канул в лету век раннего железа, оставив после себя многочисленные сакские курганы, щедро рассыпанные в окрестностях Рулихи. На просторах Алтая одна цивилизация сменяла другую. Об этом молчаливо, но веско свидетельствуют фрагменты исторических артефактов, относящиеся к различным эпохам и культурам. С андроновцами и саками мы уже повстречались! Кстати, здесь же, в предгорьях, отметилась и величайшая кочевая империя мира – татаро-монгольская. Это не голословное утверждение, находки (не единичные!) наконечников стрел своеобразной листовидной формы тому доказательство. Напрашивается предположение, что в предгорьях Алтая временно был расквартирован один из многочисленных туменов. Татаро-монгольские воины отдыхали и набирались здесь сил. Позади была разгромленная чжурчженская империя Цзинь. В 1218 году отряды монголов завоевали Восточный Туркестан и Семиречье, завершив уничтожение бежавших на запад найманов. Впереди были Мавверанахр, Отрар...

Да, дыхание истории становится все отчетливей. Прошло время, и с севера на Алтай пришли русские. Их привлекли в первую очередь минеральные богатства края. По Иртышу в первой трети XVIII века были построены крепости Семипалатная и Устькаменогорская. А XVIII век – это каких-то 300 лет назад! Начиная с этого времени, сохранилось достаточно много письменных свидетельств об освоении Алтая, о посещении этих краев различными экспедициями и путешественниками.

ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЫ

Кто как не историк при знакомстве с их отчетами заинтересуется прошлым родного края, кому как не историку задаться вопросом – откуда есть пошло сельцо Рулихинское?

Первой эту проблему поставила перед собой учитель истории местной школы Клавдия Ивановна Козьмина. И к 1-му января 1965 года она вместе с учениками 8-го класса оформила альбом, в который и были занесены собранные сведения. Тогда же было положено начало и школьному краеведческому музею. В основу

сельской летописи положены данные Усть-Каменогорского архива и воспоминания старожилов: Евгении и Марфы Ляпиных, Павла Петровича, Петра Андреевича и Петра Михайловича Афанасьевых, Михаила Григорьевича Алешина, Семена Вольнова, Зайцева. В сборе данных участвовали учащиеся.

Я намерен максимально бережно отнестись к собранным материалам и по возможности полно их процитировать, чтобы полнее представить атмосферу, в которой жили и действовали наши герои – жители затерянных в алтайских предгорьях хуторов. Итак, прикоснемся к школьным трудам почти полувековой давности.

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛА РУЛИХА:

«По указам Петра Великого выстроены были на Иртыше крепости Омская, Семипалатная, Устькаменогорская. А между ними для связи возникли небольшие форпосты да редуты. Поселены в них были сибирские казаки. Они должны были нести охрану, плавить лес, доставлять почту, возить соль и т.д. Особенно тяжелой была служба в окраинной Усть-Каменогорской крепости. Большие всего горя и лишений переносили служивые от нехватки провианта и фуража. В те времена хлеб доставляли из далекого Тобольска. «Кровавыми трудами сибирского крестьянства» называл доставку хлеба в верхнеиртышские крепости депутат от сибирских казаков в комиссию для составления нового «Уложения» Анциферов. «В сибирских странах, – говорит он, – крестьяне посылаются отчасти неволю каждый год тысячи по две и более, чтобы доставлять на судах вверх по Иртышу воинский провиант для продовольствия воинских команд и государевых лошадей. Это расстояние от их домов, начиная от города Верхотурья до Шульбинского форпоста, включает в себе не менее 2000 верст. Следуя до крепости Омской, пешие, а от Омской до упомянутого форпоста и до крепости Устькаменогорской водою на судах, в лямках, они бывают в пути туда и обратно года по два, покидая все земледелие и домашнее хозяйство. Плата им производится, когда они бывают на судовой работе, по одной копейке за версту, пропитание же и одежда их собственные. На обратный путь пешим дается только по 5 копеек за 100 верст». Устькаменогорские казаки вышли было из положения: они стали засеять небольшие пашни, но на свою голову беду только накликали! В 1747 году командующий сибирским войском генерал-майор Киндерман, будучи в крепости проездом, увидел посевы, похвалил старательных казаков. А спустя какое-то время он уже строчил «покорнейшее донесение» императрице Елизавете Петровне о том, что будут теперь казаки сами себя своим хлебом пропитывать, да и в гарнизоны хлеб поставляться будет! Так, сами того не ведая, нашли казаки себе новую обузу. «Палочным хлебопашеством» называли они её. И была она самой трудной, самой горькой. Все свои воинские и хозяйственные повинности должны были выполнять да ещё пашню пахать, себя и гарнизон кормить. Видела это и сибирская администрация. Поняла, что не прокормить казачьим хлебом иртышские гарнизоны. А тут ещё царские заводы и рудники хлеба требуют. Всё больше и больше склонялись к мысли – заселить округу Усть-Каменогорской крепости крестьянами-земледельцами. Так в 1760 г. появился сенатский указ с пространном заглавием: «О занятии в Сибири мест от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телецкого озера; о построении там,

удобных местах, крепостей и заселении той стороны по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и прочим рекам, впадающим в оные и в Иртыш-реку, русскими людьми до двух тысяч человек».

Большие надежды возлагались на этот указ. Мол, повалит сибирский крестьянин на новые плодородные земли. Поэтому и оговорка была, чтобы число переселенцев никак не превышало двух тысяч, «дабы через то и самые места не оскуднить». Но поторопились с оговоркой. С треском провалился сенатский указ. Долго искали причины. Сибирский губернатор Денис Чичерин писал императрице, что виной всему «природная леность русского мужика». А причина была в другом! В том же 1760 году был издан и другой указ – об очередной приписке к Колывано-Воскресненским заводам окрестных крестьян. Должны были они, кроме своих пашен, работать ещё на царских рудниках и заводах, возить руду, уголь, делать всё, что прикажет заводское начальство. И как ни призывала сибирская администрация к переселению, какие ни сулила блага, желающих не было.

В 1762 году был издан сенатский Указ, который приглашал староверов, в свое время бежавших в Польшу от религиозных преследований, вернуться на родину. Для поселения им предлагались места, перечисленные в сенатском указе 1760 года. Добровольцев вновь не оказалось, и этот указ без изменений был вновь оглашен в 1762 году. На основании его появились первые поселки «поляков».

В 1764 году были основаны Лосиха (Верх-Уба), Секисовка, Шемонаевское, Бобровка, Екатерининка. Позднее из этих сел выделились: Малая Убинка, Быструха, Черемшанка, Убинка и др. Быстро прижились «поляки» на новых землях».

Данные, приведенные в школьной летописи, достаточно расплывчаты, поэтому я решил обратиться к трудам Бориса Георгиевича Герасимова, священника и краеведа.

Когда-то церковь занимала куда более серьезное, чем сейчас, место в крестьянском быте. Сейчас, в XXI веке, трудно представить себе реальную силу воздействия церкви на жизнь в богом забытых хуторах. Ближайшие к Рулихе православные церкви находились в селах Шемонаевском и Убинском форпосте. Обе они были разрушены большевиками. Причем Убинская церковь была одной из старейших в Казахстане Прииртышье.

Поселение Убинский форпост было основано в 1720 году при слиянии рек Убы и Иртыша.

Б. Герасимов ознакомился с сохранившимися церковными документами в начале XX века. Вот какие сведения он сообщает о населенных пунктах:

«В состав Убинского прихода входило много поселков и деревень как прииртышских, расположенных по берегу Иртыша (Семипал. обл.), так и удаленных от линии Иртыша (Бийский, ныне Змеиногорский уезд Томской губ.). В приходе Убинской церкви с 1814 года числились следующие крестьянские селения Бийского уезда: Красный Яр на Иртыше, Березовка, Николаевский рудник, Красный Яр на р. Убе, Убинское, Вавилонка, Ново-Шульбинское, Жерновка, Бородулиха, Шемонаевское, Екатерининское, Староалейское, Кабанова, поселки Семип. обл. – Барашевский, Пьяноярский, Красноярский. Приход занимал огромную площадь, в несколько сот верст в окружности.

В административном отношении подчинен был ведению Семипалатинского духовного правления и Тобольской духовной консистории, юрисдикция которой

распространялась на всю Семипалатинскую область и Томскую губернию до выделения последней в самостоятельную Томскую епархию. Начиная с 1827 г., Убинский приход стал уменьшаться. Некоторые селения выделались в отдельные приходы, другие отошли к Томской епархии. Так, в 1827 г. к Красноярскому Николаевскому приходу отошли деревни – Красный Яр на Иртыше и Березовка.

В 1837 г. к Томской епархии были отчислены села Шемонаевское, Екатеринбургское, Староалейское и Кабановское, вошедшие в состав единоверческой церкви с. Секисовского; в 1839 г. – Убинское, Красноярское на Убе, Вавилоновка, Новошуйбинское, Жерновское, Бородулиха, Выдриха; в 1840 г. – Николаевский рудник. В разное время из Убинского прихода выделено было до 20 самостоятельных приходов».

Как видно из церковных документов, Рулиха в первой половине XIX века до статуса села или поселка никак не дотягивала. Наверняка это был небольшой хутор. Годы расставили все по местам: при Советской власти исчезло «крестьянское селение Кабаново», уже в 1814 году имевшее этот статус, и множество других. Рулиха же устояла, и будучи центральной усадьбой колхоза «Аврора», более того, разрослась за счет окрестных селений.

Сельская летопись так живописует появление безымянного хутора:

«Развивались царские рудники и заводы. В те годы (около 200 лет назад) работал Таловский рудник (названный по р. Таловка). Добывали там медную руду. Условия работы в шахте были очень тяжелыми, все делалось вручную. Добытую руду доставляли в Семипалатинск гужевым транспортом. Жилищные условия рабочих были крайне тяжелыми. Из-за голода, антисанитарных условий, тяжелого труда много рабочих умирало, другие бежали.

Крестьяне из села Убинка бывали на Таловском руднике, попутно они знакомились со здешними местами. И приблизительно в 1790 г. крестьянин села Убинка Рулин по течению реки Таловка основал своё поселение. Там, где сейчас расположена пасека колхоза «Аврора», где работает пчеловодом Марфа Рыкова.

Рулин долгое время жил один с семьей, занимаясь земледелием, имел пасеку. Часто к нему приезжали родные и знакомые из села Убинка. А затем некоторые переселялись на постоянное местожительство. Селились они на том месте, где сейчас расположены сельсовет, сельмаг: по руслу Таловки вверх и вниз. По фамилии Рулина и поселок стал называться Рулиха. Все эти места представляли собой лесные массивы. Лес – пихтовый, осиновый, березовый. Отвоевывав участки у леса, первые жители занимались земледелием, скотоводством, сажали огородные культуры, занимались пчеловодством. Пахали на волах деревянной сохой, бороны тоже были деревянные. Продукты земледелия и скотоводства возили в город Семипалатинск. Первыми жителями поселка Рулиха были Илья и Николай Афанасьевы, Алешины и другие. В середине XIX века в Рулиху приехали переселенцы из городов России – Самары и Воронежа (там они страдали от малоземелья, а здесь было много свободных, никем не заселенных земель). Это были Бунеевы, Сериковы, Пивоваровы, Макагоновы, Ковалевы, а из Петербурга приехал Крицко Павел со своей семьей. Все они были бедными крестьянами. «Постепенно, занимаясь земледелием и скотоводством, увеличивая пахотные земли и стада скота, они стали богатеть. А Макагоновы, Ковалевы, Сериковы заимели работников, стали эксплуатировать чужой труд».

ДВА ЛИКА РЕВОЛЮЦИИ

Прочитывая несколько ортодоксально звучащее по сегодняшним меркам последнее предложение, не премину сказать, что богатеть и дальше зажиточным рулихинцам не дал далекий от них (и географически! и морально!) Октябрьский переворот в Петрограде. Никто из рулихинцев не был замешан или замечен в штурме Зимнего, ни в рьяном установлении Советской власти, никто не рвался в ходки к Ленину.

Люди хотели одного – спокойно жить и трудиться на родной земле, полагаясь больше на свой ум и мозолистые руки, чем на советы и указания стремительно отрывающейся от народа центральной власти. Но в конце двадцатых годов двадцатого века вал перемен докатился и до затерянной в алтайских предгорьях деревеньки.

А пока вернемся к чеканно-бравурным строкам сельской летописи.

«Октябрь. 1917 год. Весть об Октябрьской социалистической революции долетела и до села Рулиха. Народ узнал о том, что в стране свергнута власть временного буржуазного правительства и власть переходит в руки народа в лице Советов депутатов трудящихся. Узнали и о Декретах о мире и о земле.

Первое здание сельсовета находилось там, где сейчас живет Пётр Михайлович Афанасьев. Первым председателем сельсовета был Иван Григорьевич Алешин.

1918-1919 гг. – гражданская война.

Непосредственно на территории села Рулиха боевых действий не было, фронт был в селах Убинка, Шемонаиха. Войска Колчака находились в городе Змеиногорске. В Шемонаихе активно действовали партизаны. В партизанские отряды против белогвардейских банд и иностранных интервентов уходили и жители села Рулиха. Так, активное участие в партизанском движении принимали Герасимов и Ковалев, который погиб в борьбе с белогвардейцами. Во время гражданской войны крестьяне села Рулиха оказывали большую помощь государству. Они давали фронту, а также рабочим фабрик, заводов излишки хлеба и других сельхозпродуктов».

Отведем взгляд от парадной стороны медали и посмотрим, что скрывается на оборотной стороне. Вспоминает известный в Восточном Казахстане журналист Михаил Тыцких:

«Мой отец – Сергей Евстифеевич Серохвостов. Он воевал в Первую мировую войну, имел Георгиевские кресты. Из немецкого плена бежал в лодке по Балтийскому морю. В гражданскую был командиром Барнаульского ЧОНа, в Змеиногорске разбил банду Шишкина.

В 30-е годы отказался расстрелять группу «врагов народа» – зажиточных крестьян. После этого отошел от активной деятельности.

Много пил, – наверное, это было отчаяние. Однажды его вызвал к себе Зен-Зельский, тот самый, который приказал расстрелять крестьян. Закончилась встреча тем, что отец ударил Зельского стулом. Отца посадили. Перед самой войной дядя Гриша привез его на телеге из Семипалатинска ко мне в село Большую Речку. Освободился отец досрочно, так как спас дочку начальника лагеря, упавшую с обрыва в поток».

Помнит М. Тыцких и деда Михея – дядю отца. Ростом он был до двух метров, силу имел необычайную. Гнул в ладонях подковы, носил на спине туши быков. До коллективизации жил богато, держал около 30 коров, но в колхоз хозяйство отдал первым и навсегда уехал из деревни. Гонял по Иртышу плоты.

– А что тогда простой мужик говорил о коллективизации?

«Боялись говорить о ней то, что думали. Моя бабушка умерла от голода именно в те годы.

Случилось мне побывать в то время в Семипалатинске, и я собственными глазами видел, как ежедневно на базар на паре лошадей, запряженных в большую телегу, приезжали сборщики трупов. Они нагружали эту телегу доверху. Я готов отвечать за эти слова перед совестью всего мира, ибо я видел собственными глазами.

А однажды зимой мы с мамой приехали в казахский аул близ Жангиз-Тобе. Входим в крытый двор, видим – труп, заходим в кибитку – там тоже труп. И весь аул мертв...»

В 60-е, или, как потом стали говорить, в оттепель, мрачные страницы прошлого ворошили единицы, в глубинке же всегда исходили из здравого практицизма, и потому с легкостью следовали генеральной линии. Говорю я это не в укор, каждый взрослый волен выбирать себе свой, собственный, окопчик. Итак, вернемся к школьному документу.

«В период НЭПа крестьяне села Рулиха давали государству ежегодно более 1000 пудов хлеба. В 1922 году был организован молокоприемный пункт, куда жители сдавали молоко по 6 копеек за пуд (!) В том же году стал работать частный магазин купца Бочкарева, где жители поселка могли купить соль, спички, мыло, а иногда и ткани».

Коммунарско-раннеколхозное время истории Рулихи связано с двумя фамилиями – Андреем Дегтяревым и Алексеем Червяковым. Первый был местным уроженцем и стал председателем коммуны «Аврора». Второй – уроженец Подмосковья, один из «двадцатипятипятитысячников», посланных сталинской администрацией по весям необъятной страны.

Верный ленинец и несгибаемый сталинец, товарищ Червяков в начале 1970-х прислал в Рулиху свои мемуары (мне кажется, что это его несколько запоздалая реакция на оттепель), каждая строка которых свидетельствует о его беспощадных деяниях:

«Иван хромой (его называли «спец») умышленно перекошил молотилку, поэтому все время соскакивал шкив. Этого «спеца» мы арестовали и отправили в район. <...> Однажды в буран я зашел к пастухам в их домик, вижу: у них много лежит на столе вареной баранины, а на скамейках – сырого мяса. Меня так это взбесило, что я выхватил «кольт» и выстрелил в пастухов – по верх их голов. Грозя пастухам расстрелом, я как обвинительный приговор говорил им, какое они делают преступление перед колхозом, перед Родиной. Уничтожая скот, они кормят кулаков, самых ярых врагов советской власти, которые хотят развалить колхоз. Значит, хотят помочь им развалить колхоз. Сказал: «Я без всякой пощады буду убивать тех, кто будет убивать хотя бы маленького ягненка и кормить кулаков. Вот мой вам приговор. Я буду его приводить в исполнение». Пастухи очень перепугались. Это помогло колхозу уменьшить убой и падеж овец».

КЛИЧКА КОММУНЕ – «АВРОРА»

В жизни возможно все. Червякову судьба подарила червовый расклад, Андрею Дегтяреву ирония судьбы преподнесла трефовый. Начало, как водится, не предвещало ничего худого. К Андрею, работавшему грузчиком на пристани в Предгорном, в гости приехал дядя. Оглядевшись с дороги, Александр Степанович Дегтярёв сказал племяннику:

– Андрей, теперь можно тебе бросить эту непосильную работу. Вступай в артель «Плотский ручей». Ее недавно организовали в «Саранчёво».

После семейного совета в марте 1929 года Дегтярёв с женой и двумя детьми переехали на заимку, где и жил дядя. Андрея приняли в артель, первое время он работал на разных работах. В мае вступил в партию, а после посевной его поставили кладовщиком. В своих записках Андрей безмятежно сообщает: «Дядя мой, Александр Степанович, работал председателем Рулихинского сельсовета».

В мае племянник стал коммунистом, и в очень скором времени он – кладовщик! Стремительнейшая карьера! В своих воспоминаниях Дегтярёв-младший рассказывает, как появилась «Аврора» на алтайской земле. Обратите внимание на речь Дегтярева и сравните её с цитатами из воспоминаний Червякова:

«В июле 1929 года мы порешили перейти на устав сельхозкоммуны. Какую дать кличку коммуне? Были разные предложения.

– Корабль «Аврора» делал первый выстрел на зимний дворец, – вносит Александр Степанович, – а мы первыми бьем по мелкому единоличному хозяйству! Поэтому назовём коммуну – «Аврора». – Все согласились. Так и записали».

Председателем коммуны избрали Дегтярёва-старшего, райисполком утвердил решение, и от должности председателя сельсовета его освободили. Без особых эмоций Дегтярёв-младший сообщает:

«Кулаки были все в артели. Сельсовет начал накладывать налоги, и за неуплату стали продавать их имущество. Коммуна всё брала себе, потому что оно уже было в коммуне. То есть началось раскулачивание, и они разъехались».

Невозможно понять логику и пролетарский выверт большевистской «экономики». Первое: кулаки в коммуне. Второе: их избирательно душат налогами! Третье: у них изымается и передается коммуне имущество, которое формально ей же принадлежит. Думаешь, какими же они сами были хозяевами в собственном дворе, если так руководили, будто нарочно разваливая экономику, уничтожая общину, со слепой страстью предаваясь разрушению жизни вокруг! Вспоминается бунинский герой из «Деревни» Николка Серый, самый ленивый мужик в деревне. Бунин написал ее в 1910 году. Все это предвидел писатель и напророчествовал еще за семь лет до революции. После Октября пришло время Николок Серых! От принуждения и уравниловки многие коммунары поневоле попросту бежали из родного села, надеясь в другом месте начать жизнь заново. Сельчане не догадывались о масштабах надвигающейся катастрофы, и некоторые из них пытались сопротивляться и идти иной, своей дорогой. В Рулихе такими людьми стали середняк Василий Шелихов и бедняк Егор Лобанов.

«Они всяко сопротивлялись. Но Лобанова все же убедили. Зашел в коммуну», – вспоминает местный активист Дегтярев.

Двадцатипятилетний Червяков тоже вспомнил семью Лобановых, умалчивая о методах воздействия на уклонявшихся от коммунарского общежития, он

записал: «Некоторые, вроде многосемейного бедняка Лобанова, жившего около правления коммуны, еще ждали своего счастья в единоличном хозяйстве. Но жизнь их позвала в коммуну. Спустя год он пришел к нам и горько каялся, что слушал кулаков. Дети помогли ему разобраться в его ошибке».

А Шелихова Червяков почему-то не вспомнил – может быть, из-за того, что судьба его семьи никак не вписывалась в рамки оптимистического отчета о прожитом? Зато об этом настырном и, видимо, рачительном хозяине, бывшем всего-то крепким середняком, в тех же своих «мемуарах» вспоминает Дегтярев-младший. Поражает безразличие и хладнокровие местного большевистского деятеля по уничтожению своего же «рулихинца», когда он скупыми словами деловито сообщает о ликвидации большой семьи, принесенной неумолимыми авроринскими последователями на алтарь светлого коммунистического завтра генеральной линии ВКП(б):

«Шелихов Василий был уже старик. Так и не пошел в коммуну. Никакая агитация не помогла, и Рулихинский сельсовет наложил на него налог, как и на всех кулаков. А сумма была такой, что невозможно было рассчитаться! Стали продавать его имущество с торгов, он яростно сопротивлялся. Его арестовали, имущество передали в коммуну «Аврора».

У Шелихова было два сына, совершенно неграмотных, и три дочери, тоже неграмотных. Дети даже не дружили со своими сверстниками. Одна младшая дочь Евгения украдкой ходила к подругам. Когда отца арестовали, она ушла в Рулиху к родственникам. Сыновья ходили из поселка в поселок и где-то погибли. Дочери тоже где-то скитались».

В 1932 году Червяков отчитался на отчетном собрании, и председателем коммуны избрали своего – Воронова Василия Петровича, а Червяков уехал в Москву. А Москва прислала на смену нового уполномоченного – двадцатипяти тысячника Григоренко.

«Я ВАС ВОЗЬМУ В ЕЖОВЫ РУКАВИЦЫ»

Урожай вырастили очень хороший, начали убирать его и, в первую очередь, сдавать хлеб государству. План, преподанный нам районом, мы выполнили!

Григоренко привез нам второй план (!! – М.) сдачи хлеба государству. Мы его обсудили на заседании правления и на общем собрании подсчитали свои ресурсы, и решили выполнить. Приступили к выполнению, также с чистой совестью и выполнили.

Григоренко поехал в район с рапортом, приезжает оттуда и привозит третий план (!!! – М.) сдачи хлеба государству. Мы созвали заседание правления, посчитали свои ресурсы, хлеб у нас был еще немолочен. Но ведь у нас не колхоз и не артель по совместной обработке земли, а коммуна. Зерном у нас коммунары не получали, в квартирах у нас даже ложек не было, кроме ведра да кружки. У нас была общая пекарня и столовая. Если нам домолачивать и сдавать государству, а тогда чем же будем своих людей кормить?

Семена были засыпаны. Если сдать их – надо распуścić коммуну.

Тогда Григоренко поехал в райком и доложил, что мы саботируем, не хотим сдавать хлеб государству!

Нас не вызвали в райком, а заочно исключили из партии. Председателя сразу же арестовали. Меня с работы сняли 16-го октября, а бюро райкома было 15-го октября 1932 года.

Меня поставили старшим обоза по отгрузке хлеба государству, в нем было двадцать бричек. Председателем коммуны назначили Михаила Рыбина, он был член правления и секретарь комсомольской организации. Но он не принял коммуны, как его ни устрашали. Руководить коммуной тогда стал уполномоченный Григоренко.

Григоренко так запугивал всех коммунаров «ежовыми рукавицами», что никто не смел не пойти ночью на работу. Молотили хлеб день и ночь, а он только кричал: «Я вас возьму в ежовы рукавицы»! А тогда был наркомом внутренних дел страны Ежов. Вот он и козырял им.

Как это часто бывало в тридцатые годы, грозный и беспощадный вершитель судеб часто сам оказывался под революционными жерновами. Так случилось и с Андреем Дягтеровым, обвиненным новоприбывшим уполномоченным в том, что, участвуя в хлебозаготовке, умышленно задержал обоз с зерном на четыре (!) часа. Григоренко поехал с милиционером в бригаду и обнаружил зерно, рассыпанное на дорожке, по которой его возили от молотилки к обозам. В результате были посажены в тюрьму бригадир Степан Юдин и машинист Михаил Чуев, пострадал тогда и сам Андрей Дягтеров. Читая его поздние мемуары, я подумал: а вспоминали этот местный авроринский начальник, сидя под арестом, о тех своих односельчанах, которые по его же вине были вынуждены бежать из Рулихи, покидая в спешке свои дома и все нажитое, погибая в дороге, сгинув в снежном вихре, умирая от голода и холода? Скорее всего, нет. Не связывал он свои злоключения с трагедией семей Лобанова, Шелихова и сотен других, не мучился этим даже в зрелые годы, когда писал свои «мемуары», в возрасте, когда оглядываешься на жизнь сквозь призму прожитых лет, переоцениваешь многое в ней, терзаясь и не имея возможности исправить что-либо. Об этом свидетельствуют его записки о тридцатых годах:

«Я, правда, трусил, потому что про него (Григоренко) слухи ходили, что у него рука не дрогнет, и подумал: «Неужели в районе не разберутся? Что я, какой-то кулак, что ли, умышленно делать такое! Да я же батрак и с радостью зашел в коммуну строить новую жизнь». И подписал. Милиционер вручает нам пакет, и мы едем. Я, бригадир Степан Юдин, машинист Михаил Чуев. Приезжаем в Шемонаиху в НКВД, подаем пакет. Они распечатали, посмотрели на нас, усмехнулись и повели нас. Пригласил нас жестом милиционер – заходите. Мы зашли, он дверь захлопнул и повесил замок.

Сидим во дворе НКВД, в камере. Жду вызовут. День прошел, никто не вызывает. Чуя и Юдина вызывали, с ними и следствие закончили, а меня не вызывают. Дни стоят хорошие, снега напало немного, но он был, как изморозь на траве. Ездили на бричках.

В камере сидело нас человек девять. Солдатов с Выдрихи, Капорин – инструктор-пчеловод, раньше он был учителем, и еще которых не помню фамилии. Но Солдатов и в камере жил прекрасно, ему чуть ли не каждый день передача, то с Выдрихи женщина несет передачу, то с Разино, то шемонаихинская. Мы пошучивали: «Хорошо, когда в каждой деревне по жене». Мне тоже кое-когда жена привозила передачу. Мы разговари-

лись, кого за что посадили. Солдатов говорит: «Из меня выжимают золото». Капорин поддерживает: «Из меня тоже жмут золота». <...>

На третьей неделе нас расформировали. Капорина отпустили. Солдатов перевели в другую камеру. Чуева и остальных угнали в этап, а нас с Юдиным перевели в какой-то дом. Нас было человек полсотни. Набито, как селетки в бочке. Спали вповалку на полу. Жена привезла мне передачу, но ей сказали, что Дегтярева угнали этапом в Семипалатинск. Она увезла передачу домой. <...>

Кормили нас, когда две-три булки принесут на полсотни человек, а иногда ведро картофеля, а хлеба нет. Просидели мы еще месяц, за это время угнали три этапа.

Мы с Юдиным стали доходяги, сил не было ходить. У меня очень болело в груди, оказалось – в открытой форме туберкулез легких. Жену, Марию Сергеевну, как преступницу какую, гонял Григоренко. Где ни тяжелые работы – туда и ее, целый месяц возила горячее из Шемонаихи. Наконец-то, в январе 1933 года вызывают и меня. Захожу в контору НКВД, за столом сидит один секретарь, подает мне бумажку. Вот, мол, распишись, что ты из района никуда не уедешь. Я беру бумажку и спрашиваю:

– Где же мое дело?

Он отвечает:

– Не спрашивай, а то могут еще задержать.

Я расписался. Вышел на улицу, голова у меня закружилась. Немного посидел у ворот, смотрю, Юдин выходит.

– И тебя, Степан, отпустили?

– Да, – говорит.

Отдохнули мы на свежем воздухе. Встаем, я говорю:

– Ну, куда пойдём?

– Пойдем к столовой, – отвечает Юдин, – может, там кого из своих встретим.

Смотрим, у столовой лошадь стоит наша. Подходим к кошевке. В ней лежит накрытая свиная туша. Мы присели на сани, ждем.

В столовую зайти стесняемся, потому что у нас ни копейки денег нет, да одевонка на нас рваная. Вот мы сидим и ждем на улице. Погода теплая, тихая. Свежий воздух вдыхаем и не можем надышаться. Вот выходит из столовой наш коммунар Иван Кузьменко. Мы еще не знали, что он стал председателем коммуны. Подошел, поздоровался с нами. Мы спрашиваем:

– Довезете нас домой?

– Ладно, довезу, – сказал он. – Только я сегодня домой не поеду. В Выдрихе ночуем.

Заехали к Суханову. Вот ему-то мы и сейчас благодарны, он нас хорошо накормил и даже по стопке водки подал. Ночь мы проспали так хорошо, как на новый свет народились. Утром встали, нас опять хорошо покормили, и мы поехали домой. Только в санях свиной туши уже не было. Но мы не спрашивали, куда делась туша свиная, потому что думаем, что мы еще лишены голоса (помните, у Ильфа и Петрова Остап приказывает Кисе Воробьянинову: «Молчи, лишенец!») Теперь ясно, откуда пошел сей неологизм! – прим. мое. – А.М.). Мы благодарны за то, что нас накормили. Домой я приехал больной, а меня назначают бригадиром на третью бригаду, на заимку Родионово. Я переехал, но бригаду не принял, потому что слег в постель. Мне было все хуже и хуже. Я уже стал кровью сплевывать».

Андрей Дегтярев смог победить страшную болезнь и чудом выжил. Лечился он не в санатории, не кумысом и не здоровой обильной пищей. Провидение после пережитого оказалось благосклонным к нему – в какой-то брошюре, им же купленной в лучшие времена, он вычитал рецепт и сумел излечиться. Спустя десятилетия он исписал несколько страниц в школьной тетради и дал нам возможность взглянуть сквозь непроницаемую завесу времени на страшную историю села Рулихи тридцатых годов. А сколько их было таких вот Рулих!

АМБАРНАЯ КНИГА СУДЕБ

Вглядеться пристальней в сумрачную, а правильной – в мрачную даль, дает возможность еще один документ, по виду – амбарная книга, сухо и делово озглавленная «Список лишенных избирательных прав и их семей по Рулихинскому сельсовету Шемонаевского района». Составлен он 15 октября 1932 года.

Можно лишь догадываться о той буре чувств и мыслей, захлестнувших учителя истории Зою Алексеевну Исмагулову, нашедшую этот документ истории, непосредственно связанной с родным селом, на одном из чердаков села.

Пик раскулачивания пришелся на 1930 год, а именно на 22 декабря, когда было оформлено постановление сельизбиркома о лишении избирательных прав. Репетиция состоялась годом ранее – 16 июля 1929 года. Первым жертвоприношением на алтарь коллективизации стали: семья Григория Аникеевича Серикова, насчитывающая восемь человек (пометка «в 1931 году скрылся неизвестно куда») и семья старого нашего знакомого Ивана Васильевича Саранчи (шесть человек, причем в списке нет детей). Причем Сериков «лишен избирательных прав по суду, как кулак, не выполнявший хозяйственно-политических кампаний». В скорбном списке Сериков под № 2, а Саранча под № 62, с мотивировкой «лишен избирательных прав, как кулак, эксплуататор чужого труда». Под номером пятьдесят восьмым еще одна знакомая фамилия: Шелихов Василий Иванович 1866 года рождения. Старше него только Кондрат Кошта (1860 г.р.). Оба они умерли в 1932 году. Примечательна пометка в графе Ивана Ивановича Ильичевского: «Был поражен в правах голоса по суду в 1931 году за подкуп зам. председателя Рубанова. Привез заколотого барана за снятие индивидуального обложения».

Больше всего человек репрессировано в семье Зубаревых – семь. Больше всего семей репрессировано в роду Алешиных – 32.

В музее имеется «уголок скорби», посвященный репрессиям в Рулихе и репрессированным местным жителям. На заимке Будниково проживало 5 семей – 22 человека. Семьи раскулачили, конфисковали имущество, мужчин арестовали. Из восемнадцати детей двенадцать умерло от голода и лишений.

Подсчитав количество пострадавших при первой массово организованной волне репрессий на селе, я опешил, насчитав 330 человек! Столько людей пострадало в отдельно взятом Рулихинском сельсовете! Жутким стал 1930 год – тогда была проведена массовая кампания по раскулачиванию. Немного статистики: 1929 год – раскулачено две семьи, 1930 год – сорок одна семья, 1931 год – одна (но это скорее описка писаря), остальные раскулаченные – без указания года и органа (возможно, по решению суда). Школьная же летопись в числе кулаков называет четыре фамилии, в то время как в списке значится семьдесят пять фамилий (!), как бы сейчас сказали – глав крестьянских хозяйств!

В кулаки записан Аникей Агеевич Сериков, но в списке нет такого, зато есть Григорий Аникеевич, и еще четверо Сериковых. Нет Панина, нет Григория Алешина. Зато значится пять Алешиных, из них трое Григорьевичей: Иван, 1888 г.р., Михаил, 1891 г.р., и Федор, 1900 г.р. Четвертый – Иван Макагонов. Этот есть. Егорович, 1883 г.р. Раскулачили и его брата, Михаила, 1865 г.р. Самым многочисленным из зажиточных кланов был клан Будниковых. Главой его был Павел Иванович. Сын Антон и его жена жили вместе с отцом, остальные четверо сыновей – отдельно. Все они зачислены в эксплуататоры чужого труда. Против каждого значится – имел паровую маслобойку, водяную мельницу. Сначала возникает впечатление, что каждый из них богат! Но потом все-таки указывается, что это совместная собственность. Все становится на свои места, но Будниковым от этого не легче. Зато старшему из сыновей – Ивану Павловичу – заботливая писарская рука добавляет «механизированный локомотив!» (Интересно, от чьих щедрот и с какой целью? Усугубить наказание?)

Удивляет вот что: Червяков в Москве и комсомольцы-историки в Рулихе словно сговорились: двадцатипяти тысячник тоже называет четыре фамилии кулаков, но абсолютно другие: Иван Саранча, Амелин, Пухов, Ереза. Червяков и комсомольцы-историки, эти продукты социалистическо-коммунистического воспитания, демонстрируют поразительно схожее политическое чутье и великолепное понимание текущего момента.

Кто же запомнился Червякову? Пухов отпадает сразу – такой фамилии в списках нет. Тут Червяков по старости чего-то напутал... Саранча есть, их даже двое: Василий Михайлович, 1869 г.р., и его сын Иван Васильевич, 1897 г.р. Младшему предъявлено стандартное обвинение: «кулак, эксплуататор чужого труда», у старшего букет весомей: «лишен избирательных прав, как кулак, эксплуататор, сдававший сельхозмашины на кабальных условиях, применявший наемный труд в своем хозяйстве». Вот и все. Амелин Василий Лаврентьевич в списке есть, перечислен только состав семьи, да химическим карандашом сделана пометка «кулак». Семья насчитывала пять человек. Младшему, Николаю, было шесть лет. А Ереза записан дважды, с одним и тем же годом рождения, с одними и теми же чадами и домочадцами, но в одном случае он Илья Кондратьевич, в другом – Илларион Ильич! Что это? Ошибка? Погоня за валом, за контрольными цифрами? Кстати, нечто подобное наблюдается и в случае с Саранчой, там некоторые чада с домочадцами записаны дважды. В любом случае, даже с поправкой на несколько дутые показатели, число людей, так или иначе пострадавших при раскулачивании, близко к 300 (тремстам!) человек!

Пусть среди кулаков были стяжатели, пусть были эксплуататоры! Но при чем их семьи, их дети? Особенно малолетние несмышлениши!

За что достался сей крест детям? Оставшимся в живых пришлось нести его всю свою жизнь, более того, жуткий ответ падал и на следующие поколения. Единственное, что в моих силах, – это добросовестное, полное перечисление невинных жертв:

1. Павел Федорович Алешин – 2 года.
2. Зоя Федоровна Алешина – 4 года.
3. Николай Федорович Алешин – 7 лет.
4. Иван Григорьевич Сериков – 4 года.

5. Елена Степановна Алешина – 5 лет.
6. Татьяна Степановна Алешина – 6 лет.
7. Николай Степанович Бунеев – 6 лет.
8. Андрей Владимирович Морозов – 1 год.
9. Надежда Владимировна Морозова – 3 года.
10. Михаил Владимирович Морозов – 4 года.
11. Николай Васильевич Амелин – 6 лет.
12. Никифор Николаевич Морозов – 1 год.
13. Филипп Николаевич Морозов – 5 лет.
14. Анатолий Порфирьевич Будников – 1 год.
15. Лидия Порфирьевна Будникова – 4 года.
16. Николай Порфирьевич Будников – 6 лет.
17. Надежда Илларионовна Ереза – 5 лет.
18. Григорий Прокопьевич Феденев – 3 года.
19. Надежда Прокопьевна Феденева – 4 года.
20. Александр Васильевич Аридов – 1 год.
21. Анна Васильевна Аридова – 4 года.
22. Надежда Яковлевна Алешина – 2 года.
23. Ольга Ивановна Алешина – 5 лет.
24. Александра Ивановна Ильичевская – 1 год.
25. Валентина Петровна Алтынникова – 5 лет.
26. Татьяна Петровна Алтынникова – 2 года.
27. Василий Моисеевич Боровенский – 4 года.
28. Татьяна Моисеевна Боровенская – 7 лет.
29. Борис Архипович Свириденко – 2 года.
30. Антонида Архиповна Свириденко – 6 лет.
31. Алексей Константинович Ситенченко – 2 года.
32. Надежда Константиновна Ситенченко – 5 лет.
33. Анна Константиновна Ситенченко – 6 лет.
34. Надежда Константиновна Алешина, 1932 г.р.
35. Мария Константиновна Алешина – 2 года.
36. Иван Семенович Вольнов – 1 год.
37. Андрей Семенович Вольнов – 4 года.
38. Александра Семеновна Вольнова – 7 лет.
39. Николай Иванович Герасимов – 2 года.
40. Григорий Иванович Герасимов – 4 года.

Кто из них выжил, кто нет – сие неведомо.

Впереди Рулиху ждала далекая, но страшная война, восстановление мирной жизни, строительство «коммунизма» в 1950 – 1960-х годах, более или менее сытая, безалаберная жизнь 70-80-х, разруха сельского хозяйства в 90-х и медленное угасание начала XXI века. А слегка помутневшая серебряная амальгама старого зеркала по-прежнему отражает жизнь. Уже иную.

